

СМЕХ В СМИРИТЕЛЬНОЙ РУБАШКЕ

Многочисленные исследования смеха и смеховой культуры показывают, что различное понимание смеха как феномена жизни обычного человека в философии, как правило, обусловлено той или иной методологической позицией. При этом оказывается проблематичной попытка философского мышления охватить феномен смеха во всем многообразии его проявлений. В процессе философского исследования смеха остаются за скобками те его особенности, которые не ухватываются рациональными средствами, в понятийной форме. Философия стремится определить в качестве своего предмета то, что каким-то образом связано со сферой сознания или может быть осознано и выражено в соответствии с требованиями дискурсивного мышления. Это принято считать верным путем к истине, который опирается на последовательность и точность изложения, а также обеспечивает общезначимость понимания текста.

Для художественного произведения подобная точность может быть сомнительной ценностью, ибо в нем содержание излагается посредством языка иносказаний, символов, что наполняет художественные образы полнотой и жизненной правдивостью. Конкретные художественные образы могут быть формой выражения философских идей.

Целью настоящей статьи является изучение такого опыта постижения смысла бытия, который связан со способностью человека смеяться и не может быть адекватно переведен на язык теоретических форм мышления. Такой анализ является **актуальным**, поскольку позволяет открыть нестандартные способы человеческого существования и познания, остающиеся за пределами научного изучения и описания, **в современную эпоху обнаружившего свою недостаточность**.

В названии романа Дж. Лондона «“Смирительная рубашка”: (Странник по звездам)» заключен парадокс, соединяющий два полюса человеческого бытия. Роман можно рассматривать не просто как удивительно точное исследование некоторых предельных проявлений человеческой жизни и, в том числе, смеха. В нем смех оказывается чуть ли не самостоятельным действующим лицом, выразительной формой обозначения характера главного героя, попавшего в экстремальную ситуацию. В ситуации, где отсутствует всякая возможность проявления соматической активности, где слова мало что значат, улыбка и смех оказываются силой, определяющей главные повороты сюжета. Герой романа приговорен государственной машиной к смертной казни как “неисправимый” и в тюрьме неоднократно подвергается наказанию “смирительной рубашкой” за непокорный нрав. Узнав о таком очередном наказании, охваченный ужасом грозящей смерти в туго затянутом мешке, Даррел Стэндинг вспомнил о способе другого узника, Моррела, дающем надежду... и улыбнулся в лицо начальнику тюрьмы. Более того, он предложил пари: “Затяните меня так туго, как только возможно, но если я улыбнусь вам через десять дней, дадите вы табаку Моррелу...” [1, с. 65]”. “Чтобы так дразнить начальника тюрьмы в одиночной камере, нужно страшно ослабеть и совсем отчаяться... или нужно твердо верить” [1, с. 66]. Стэндинг верил во власть духа над телом, верил, что даже сто дней в смирительной рубашке не убьют его, ибо жизнь духа вечна. И когда взбешенный дерзостью предельно зашнурованного, лежащего с выпученными глазами узника, начальник тюрьмы прорычал: “Смейся же, черт тебя возьми, смейся!.. Ну ка, покажи нам улыбку, которой ты хвастался.

Моим легким не хватало воздуха, моя голова разрывалась от боли, сознание туманилось, и все-таки я сумел улыбнуться прямо в лицо начальнику тюрьмы Азертону” [1, с. 68].

Подобное поведение не было проявлением безумия или слепой веры в Бога. Оно было выражением абсолютной веры в безграничную власть духа над телом, той веры, которая превращалась в способность к действию. Выразив эту мысль, Дж. Лондон незаметно ввел читателя в мир переживаний человека, не просто размышляющего о проблемах жизни и

смерти, но убежденного в бессмертии своего “я”. Тем самым в художественной форме, посредством языка образов, т. е. привлекая не только работу мысли, но и весь эмоциональный строй души, автор романа предлагает задуматься над вечными проблемами философии. Эти проблемы со всей остротой были поставлены еще в античности, в философии Сократа и Платона, как проблемы перехода из одной формы жизни в другую. В диалоге Платона “Федон” Сократ, в ожидании смертной казни, излагает друзьям идею бессмертия души, оценивая тело как ее кратковременную одежду. “Кто говорит о душе и теле теми же самыми словами, что о ткаче и плаще, мне кажется, говорит верно: он скажет, что его душа долговечнее, а тело слабее и кратковременнее: к этому однако ж он должен прибавить, что всякая душа снашивается много тел, в особенности если живет много лет: тело ведь изнашивается и отмирает еще при жизни человека, и, стало быть, душа непрерывно ткет наново, заменяя сношенное” [2, с. 55].

Сократ принял яд, воздействие которого, как внешняя причина, вызвало смерть тела. Герой Дж. Лондона напряжением воли, руководимой духом-господином, вызывает постепенное умирание частей тела. Интересен факт совпадения этапов отмирания частей тела снизу вверх как у Сократа, так и у Стэндинга. Описание подобных переживаний встречается также в религиозной литературе. Умертвив тело, Стэндинг стал “только духом, душой, сознанием – называйте это как хотите, – заключенным в туманном мозгу, который оставаясь внутри моего черепа, тем не менее уже вышел за его пределы и продолжал расширяться вне их” [1, с. 71]. Описанное переживание – не просто плод художественной фантазии писателя, но имеет философский смысл и соответствует идеям ведической традиции, опыту мистиков, исследуется в религиозной философии и антропософии. Идея жизни как чего-то непрекращающегося, как нити, связующей одну форму материи с другой, изложена в трактате Л. Н. Толстого “О жизни”. Лев Николаевич говорил: “Жизнь умерших людей не прекращается в этом мире” [3, с. 107], “Жизнь видимая есть часть бесконечного движения жизни” [3, с. 115], “Плотская смерть уничтожает пространственное тело и временное сознание, но не может уничтожить того, что составляет основу жизни: особенное отношение к миру каждого существа” [3, с. 97]. Дж. Лондон ссылается на Бергсона, отрицающего возможность объяснить жизнь с помощью чисто рационалистических понятий. Приводит мысль Конфуция о том, что, если мы так мало знаем о жизни, то что мы можем знать о смерти. Дж. Лондон согласен с Контом, называющем мир (материю) великим фетишем. “Жизнь – вот что и реальность и тайна. Жизнь безгранично шире, чем просто различные химические соединения материи, принимающие те или иные формы. Жизнь – нечто непрекращающееся. Жизнь – это неугасающая огненная нить, связующая одну форму материи с другой. Я знаю это. Жизнь – это я сам. Я жил в десяти тысячах поколений. Я жил миллионы лет. Я обладал множеством различных тел. И я, обладатель этих тел, продолжал и продолжаю существовать. Я – жизнь. Я – неугасимая искра, вечно сверкающая в потоке времени, изумляя и поражая, вечно творящая свою волю над бранными формами материи, которые зовутся телами и в которых я лишь временно обитаю” (1, с. 107). Дж. Лондон мысленно моделирует ситуацию отсечения частей тела и делает вывод, что как бы ни было искалечено тело, дух остается один и тот же, целый и невредимый. Материя – это величайшая иллюзия, у которой нет памяти, ибо ее формы быстротечны. Дух же – реальность, которая не гибнет. Поэтому, вернувшись в тело, Стэндинг смог улыбнуться. Он остался собой. И эта же улыбка означала, что его дух был сильнее тюремщиков в плане понимания сути происходящего. В смехе герой возвысился над событиями вокруг него, выразил истинную свободу, над которой не властны ни палачи, ни целый ряд смиренных рубашек, а именно: тело, камера, тюрьма, материальный мир. Осознав относительность “рубашек”, человек оказывается способен обрести душевное равновесие, достоинство и понять собственную внутреннюю ценность. Само переживание выхода духа за пределы тела может рассматриваться как аналог смеха. Смех – это всегда человеческая

реакция защиты собственного “я” при соприкосновении с неведомым. Смех выступает средством нахождения правильного отношения к чему-то, где человек не хочет потерять себя.

Серьезный подход к какой-то проблеме и логическое обоснование действий порой не помогают решить то, что легко разрешает шутка, соединяя нечто ранее не соединимое, восстанавливая душевный комфорт. В шутке соединяются отношения, которые, если они не приходят в голову, не вызывают в нас безусловного понимания, но лишь требуют, чтобы мы определенной игрой ума соединили вместе вещи, которые, оказывается, можно соединить в то мгновение, когда мы чувствуем. Постигая правила этой игры, мы освобождаемся и возвышаемся над заложенным в шутке содержанием. Эти факты освобождения себя, возвышения себя над какими-либо явлениями можно найти всюду, где появляется смех.

Человек испытывает душевный дискомфорт, если ему приходится реагировать на духовные или материальные воздействия, к которым он не готов или в которых он не хочет принимать участие, как бы не знает правил игры и не может своим разумом охватить ее возможные последствия. И тогда смех бывает спасительной реакцией выхода из подобной ситуации. Например, когда у человека щекочут подошву ног, то это всегда неподконтрольно разуму, и человек смеется. Когда он сам себя щекочет, то охватывает разумом происходящее, и смех не возникает. Смех может иметь как внешнюю, так и внутреннюю причину, особенно, когда мы в силу нашего своеобразия не желаем или не можем понять определенные явления. Причина смеха может корениться в нашем несовершенстве, когда, например, неразвитый человек смеется над другим, которого он не понимает. “Когда неразвитый человек не находит в другом заурядности и ограниченности, которые он считает правильными, тогда он думает, что нет необходимости применять к этому понимание; он пытается освободиться от этого – вероятно именно потому, что не хочет этого понимать. Поэтому так легко переходит у нас в привычку освобождаться от всего посредством смеха. Эта привычка часто является природой некоторых людей: они осмеивают все, они не хотят понимать” [4, с. 47-48]. Следовательно, смех может выражать не только оправданное чувство самоотстранения, но может выражать и неоправданное самоотстранение. Но от этого не меняется сам факт, которым характеризуется смех.

Ситуация разрешения непонимания того, что происходит, ограниченными людьми посредством унижительной насмешки описана в “Евангелии от Марка”, когда воины отвели Иисуса в преторию “И одели Его в багряницу, и, сплетши терновый венец, возложили на Него; И начали приветствовать Его: радуйся, Царь Иудейский! И били Его по голове тростью и плевали на Него и, становясь на колени, кланялись Ему. Когда же насмеялись над Ним, сняли с него багряницу, одели Его в собственные одежды Его и повели Его, чтобы распять Его” [Мк. 15, 17-20].

Но разве не повторялось что-то подобное по смыслу обозначенной ситуации, когда последователи учения Иисуса Христа подвергались гонениям, а средством выхолащивания смысла Священного Писания порой оказывалась насмешка невежд, скрывающих последнее. Такая насмешка была и есть и по сей день зачастую формой самозащиты не только малообразованных людей, но и обремененных материалистическими знаниями представителей науки и философии, ибо “знание надмевает, а любовь назидает. Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать; Но кто любит Бога, тому дано знание от Него” [1-е Коринф. 8, 1-3].

Была в событиях времен Голгофы еще одна ситуация, связанная со смехом. По версии Дж. Лондона, когда Пилат понял тщетность своих попыток противиться воле первосвященников, тщетность попыток насмешками и глумлением обернуть в шутку обвинение против Иисуса Христа, чтобы все разрешилось смехом и среди смеха было забыто, то: “позволил себе последнюю насмешку над этой чернью, которую презирал. Он приказал прибить к кресту Иисуса дощечку с надписью на еврейском, греческом и

латинском языке: “Царь Иудейский”. Тщетно протестовали первосвященники. Ведь именно под этим предлогом принудили они Пилата казнить Иисуса, и именно этот предлог, оскорбительный для иудеев, позорный для них, подчеркнул Пилат” [1, с. 214]. И если смех главного героя романа “Смирительная рубашка” был формой выражения силы воли, защиты собственного достоинства, а отделение духа от тела было как бы продолжением этого, где уход от всяческих ограничений оставался единственным спасением как утверждением своей правоты, то уход Иисуса Христа с материального плана существования, описанный в Евангелии от Луки как вознесение Господне, был завершающим этапом сознательно принятой на себя миссии спасения греховного человечества как выражения жертвенной любви, показывающим путь к жизни вечной.

Определенным выводом проделанного в статье анализа может быть требование внимательного отношения к нерациональным способам проявления человеческой природы, его поведения и познания, в том числе и смеховым, поскольку бывают такие ситуации в существовании человека, когда разумные способы и формы решения проблем оказываются ограниченными или невозможными.

-
1. Лондон Дж. Смирительная рубашка: (Странник по звездам); Смок Беллью. – Харьков, 1993.
 2. Платон. Федон. Пир. Федр. – СПб., 1997.
 3. Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22-х т. – Т.17. – М., 1984.
 4. Штайнер Р. Метаморфозы душевных сил. Путь внутреннего опыта. – Казань, 2000.
-